

УДК 133.4

В. В. Иванова

МАГИЧЕСКИЙ ВОСТОК — ОЧАРОВАННЫЙ ЗАПАД: ОПЫТ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОБЗОРА

*«Вот они, чары Востока!
Вот что усыпляет трезвый рассудок
однообразным нашептыванием, давая простор фантазии.
Вот оно, ядовитое, но сладостное дыхание,
опьяняющее сердце и горячащее кровь.
Против их союза трудно устоять...» [33. С. 94]*

Восток¹ давно уже стал частью повседневной жизни западного человека. Объемный, предельно реальный, он являет собой не географическую данность, но глубоко укоренившийся образ. Сама его суть заключена в отличности от Запада, и он объемлет все то, что Запад не считает своим. «Другой» Запада приобрел свое воплощение в Востоке, и Восток существует лишь до тех пор, пока дышит и мыслит Запад, определяя себя в пространстве и познавая окружающее.

Западный человек, европеец², открывал для себя Восток постепенно. И наследуя Античности, он заимствовал Восток, который был «вместилищем романтики, экзотических существ, мучительных и чарующих воспоминаний и ландшафтов, поразительных переживаний» [32. С. 7]. Загадочный край царицы Савской и птицы феникс, неиссякаемый источник религиозных мистерий, с которыми роднился разгул дионисийского культа, — Восток уже в античности стал приобретать черты экзотизма и утонченной пресыщенности, послужившие зарождению представления о Магическом Востоке, как об одной из самых ярких граней образа Востока.

На первоначальном этапе формирования европейского образа Востока вообще и Востока Магического в частности определяющую роль играла основная доминанта складывающейся европейской цивилизации — христианство. Оно определило отношение к чужим, вне-европейским, культурам, пропуская окружающий мир через призму религии. Библейский Восток занял свое почетное место среди первооснов, на многие века определив направление устремлений и помыслов Европы, а оппозиция эллинов и варваров сменилась противопоставлением христиан нехристиам (язычникам, иноверцам и еретикам). Крымский вал и кавказские ворота Александра Македонского отделяли истинно верующих в «Граде Божьем» от народов Апокалипсиса Гог и Магог³, порождая самые смелые вымыслы и фантазии. Постепенно у хаоса, который окружал еще только готовившуюся к рождению Европу, вырисовывалось собственное лицо — это был мусульманский Восток, полный сил и завоевательной энергии, угрожающий и загадочный⁴. При первой встрече с ним лицом к лицу — во время арабских завоеваний на Пиренейском полуострове — разрозненная Европа далеко не сразу смогла оценить

противника, с которым столкнулась. Хотя сведения об исламе уже были доступны (через полемические антимусульманские труды византийских отцов церкви), замкнутая на саму себя Европа не спешила их осваивать. Арабские завоеватели были включены в привычную категорию варваров, язычников, и им нашлось соответствующее место в христианской иерархии мироустройства. Естественно, как противники христианского мира они были причислены к войскам сатаны, а пророк, претендовавший на мессианскую роль Христа, отождествлен с Антихристом [1], тем более что традиция такого рода уподоблений уже глубоко укоренилась в византийской среде: уже Иоанн Дамаскин именуется ислам «предтечей Антихриста», Мухаммеда — лжепророком, а мусульман — идолопоклонниками и «скотоподобными» [10. С. 16].

По принципу обратной аналогии Мухаммед должен был занимать в исламе то же место, что и Христос в христианстве, но только с отрицательным значением. Факты жизни Мухаммеда как лжепророка, симметрично пародировавшего все фазы жизни и деяний Христа, старательно подгонялись под модель жизни Антихриста [28. С. 208]. Апокалиптические настроения, которые были характерной чертой средневековой Европы, обостренные слухами об уже пришедшем Антихристе, инициировали то явление, которое мы именуем крестовыми походами. Освобождение Иерусалима представлялось особенно важным еще и потому, что это могло ускорить долгожданное пришествие конца времен: «Накануне Первого крестового похода верили в то, что весь мир будет сценой окончательной битвы между Христом и Антихристом. Конец этой битвы разыгрывается именно в Иерусалиме, и там Антихрист будет вести войну не против иудеев и неверных, но против христиан, и потому их присутствие в Святом Городе и даже завоевание Иерусалима христианами является необходимой предпосылкой для начала событий конца времен» [26. С. 78]. Гораздо позже Вальтер Скотт напишет в своем «Талисмани»: «...твоя ослепленная раса ведет свой род от этих нечистых демонов: ведь без их помощи вам никогда бы не удалось держать в своих руках эту благословенную землю Палестины против такого числа доблестных воинов Господних» [34. С. 44].

За мусульманами, которые в хрониках крестовых походов именовались врагами Бога и святого христианства и презренным племенем, служащим демонам, теперь уже окончательно закреплен ярлык последователей дьявола. Хроники изобилуют подробностями поклонений мусульман статуям Мухаммеда-Антихриста, обращения храмов в мечети — «обиталище дьявола», поправки мусульманами христианских святынь и даже Гроба Господня. Сам Мухаммед порой представал настоящим чудовищем: так, Петр Достопочтенный рисует пророка ислама зверем с головой человека, лошадиной шеей и птичьим телом. Как Антихристу Мухаммеду положено заниматься магией, что он с успехом и выполняет: разделяет луну на две половинки и соединяет обратно, обращает в бегство голодного волка, разговаривает с жареным барашком. Мусульмане во время сражений привлекают на свою сторону магов, а в обычной жизни сами занимаются магией и астрологическими изысканиями. Военные успехи мусульман приписываются колдовству и амулетам, в то время как успехи христиан — божьей помощи и реликвиям. Имена мусульман (Локифер, Аграпарт, Нойрон, Оргейе), их внешность (огромный рост, черный цвет кожи, рога) — все отсылало к демоническому миру. Сложилась целая традиция изображения демонов египтянами и эфиопами, в Византии же они часто представляли в облике арабского купца.

Наряду с этим существовали и иные тенденции — принизить роль Мухаммеда, в частности через перенесение ответственности за появление ислама на отвергнутого

последователя Ария, который по указанию дьявола выбирает будущего пророка ислама своим учеником. Многочисленные вымыслы о притворных чудесах (разгадка которых кроется в подученном бычке и прирученной голубке — аллюзии на Святой Дух), высмеивали мессианские претензии Мухаммеда, выставляли лжецом, а следовательно, и редуцировали страх. Легенды о позорной смерти Мухаммеда (считалось, что он съеден собаками или свиньями, а в «Божественной комедии» (28 песнь Ада) позорно и его посмертное наказание) еще более усиливали эффект. Однако это не могло остановить процесса экзотизации Востока, что во многом объяснялось жаждой чудесного преобразования мира, доступного человеку в обход Божественной Воли, желанием, безусловно не вписывающимся в рамки христианского видения мира. Так, описания восточных чудес превращались в норму практически каждой средневековой хроники XII–XIII вв., необходимой для правдоподобия рассказа.

Для средневековой Европы мир ислама был миром освобождения ото всех возможных табу, миром Адама и Евы до первородного греха, «земным раем»⁵, устремления к которому доведут европейцев до Америки: «В этом воображаемом мире все меняет свои места: вместо поста обильная еда, вместо воздержания сексуальная вседозволенность; в нем оказывается возможным то, что невозможно в реальном мире» [26. С. 138].

Однако сконструированный образ Другого имел немало общего со своим реальным прототипом. Хотя ислам запрещает колдовство, на практике этот запрет не соблюдался, и даже напротив, в мусульманской, особенно дервишеской, среде получило широкое распространение колдовство, основанное на тексте Священного Корана. Кроме того, хотя Мухаммед и отрицал наличие у себя дара чудотворения, многие чудеса были ему приписаны, а в шиитской традиции каждый имам наделялся тысячами чудес [30. С. 282].

Также и астрологические штудии мусульман не были чистым вымыслом средневековых хронистов. Именно через арабов Европа получила античное наследие астрономических знаний, идущее от греков, персов, индусов и вавилонян.

С интенсификацией контактов между мусульманами и христианами, особенно в период Латинского королевства в Иерусалиме, демонизированный образ Востока постепенно уходит на второй план, уступая место Востоку Философии — переведенному и переработанному арабами античному наследию, доступному теперь и Европе. Однако в XII–XIII вв. и философия имела ярко выраженную магическую окраску.

В передаче «света знаний» с Востока особая заслуга принадлежала Петру Достопочтенному, под началом которого в Толедо был осуществлен первый перевод Корана на латинский язык, а также переведены многие труды, вошедшие в «Корпус Ключни» или «Толедский сборник». От арабов перешли знания по арифметике, геометрии, астрономии, астрологии, медицине и, конечно же, магии. Европой был открыт Аристотель и трактаты Птолемея, Альфрагануса (арабские имена намеренно даются в соответствии с западной традицией их написания), Альбумасара, Авиценны, Гебера, аль-Фараби, аль-Газали, Аверроэса, аль-Кинди, Альпетрагии, Абубацера, Авемпаца и многих других. Эти знания были переработаны и вошли в западную культуру, задав координаты ее дальнейшего развития, открыв путь увлечению алхимией, магией и некромантией. Естественные (по отношению к божественным) способы изменять действительность были признаны церковью очередным доказательством дьявольского происхождения ислама. Крестоносцы, непосредственно познакомившиеся в Палестине с восточными традициями, в том числе и магическими, вызывали особые нарекания благочестивых

европейцев: сама вера мусульман во влияние звезд и судьбу противоречит христианскому учению, а потому не может происходить иначе как от дьявола. На ориентализированных европейцев, в особенности тамплиеров, сыпались упреки в отречении от веры, обращении в ислам и занятиях колдовством. Бафомета тамплиеров связывали с именем Мухаммеда («Мафумета» по версии Раймонда Лулия). И вот, в XII в. начинается массивное наступление церкви на всякого рода ереси, объявленные, «в соответствии с новыми концепциями природы», болезнью, подобной проказе или чуме [25. С. 133].

В XIII в. инквизиция вступила в борьбу с соращением христиан, однако это не помешало магическим и астрологическим трактатам распространяться со все большей скоростью, спровоцировав своего рода «астрологическую эпидемию»: со звездами свержались по самым разным поводам — от времени закладки нового здания до гороскопа Христа [22. С. 140–141]. Формируются положительное отношение общества к магии, занятиям кабалистикой и преклонение перед египетской мудростью. За арабами, наряду с иудеями, прочно закрепляется образ хранителей опасных тайн, дарующих обладателям безграничную силу.

Новая вспышка антимусульманских настроений разгорелась во время предсказуемого, но тем не менее ошеломляющего захвата Константинополя турками. Падение Византии, сдерживавшей натиск «варваров с Востока», было воспринято как прямая угроза всему христианскому миру. Папа, призвавший к крестовому походу против турок, сравнивает Мехмета Завоевателя с красным драконом Апокалипсиса — Антихристом. Почти век спустя, в 1538 г. Лютер, соотнося Мухаммеда с рогом Зверя из видения Даниила, предрекал окончание владычества османов через 20 лет, но панические настроения будоражили Европу гораздо дольше — до поражения турок под стенами Вены в 1683 г. С этого события падение Османской империи было лишь вопросом времени. Отношение к Востоку стало меняться на глазах. Началось освоение: политическое, экономическое, культурное, а затем и научное.

В 1697 г. — с изданием в Париже «Восточной библиотеки» Бартеlemi д'Эрбло — было положено начало систематическому изучению ислама, повлекшее за собой расцвет ориентализма. Восток превращается в мир текстов и путешествий, ранее не столь доступных. Со второй половины XVIII в. начинается повальное увлечение Востоком, проявившееся в литературе, поэзии, музыке, изобразительном искусстве, архитектуре и даже повседневном быте. Не представляется возможным перечислить все эти имена и образы, его вдохновлявшие. Перевод Галлана в 1704 г. сказок «Тысячи и одной ночи» довершил этот процесс, сделав уже сказочный образ Магического Востока поистине всеобщим. На Востоке теперь искали точного повторения сказок Шахерезады.

Магический образ Востока стал полноправной частью течения «экзотизма». После открытия Наполеоном Египта в 1789 г. давно уже получившие популярность египетские мистерии и искатели скрытого знания заполнили Европу, и опять источником магических откровений признавался Восток: для немцев и англичан это была Индия, для французов — Египет. «Пощаженный из-за своей геополитической незначительности, он избран в качестве герметического призрака и как таковой включен в западную христианскую мудрость, которая именно в нем ищет свои глубинные корни» [39. С. 168].

Идейный кризис Европы, отказавшейся от христианской картины мироустройства, вылился в поиски нового смысла жизни, новой эстетики и новых горизонтов, и на помощь пришел древний, мудрый, пантеистический, нереальный Восток, ведущий к духовному обновлению. Волна романтизма накрыла просвещенную Европу, обратившую

взор к мудрости Востока и его магии. Оккультизм получил большее распространение, так как был активно задействован в масонских ложах, в деятельности которых участвовала новая аристократия. Литература была полна аллюзий на восточных чернокнижников и колдунов. Пространство Востока постепенно расширялось, впрочем, не настолько, чтобы Восток перестал ассоциироваться в первую очередь с исламом. Новое поколение путешественников (самые известные из которых Флобер, Дизраэли, Марк Твен, Кинглейк, Ламартин, Нерваль и Готье) устремляется на Восток, совершая паломничество в поисках захватывающих экзотических зрелищ. Однако разочарованные столкновением с прозаической действительностью, а возможно, и принесшие разочарование вместе с собой, они вынуждены были выискивать и придумывать «bizarre jouissance» в меру своих литературных талантов. Можно вслед за Эдвардом Саидом отдать первенство в этом процессе французам, которые, в отличие от успешных колонизаторов-англичан, «устремлялись, мечтали и помышляли о таких местах, которые находились прежде всего в их умах» [32. С. 267].

Отношение к исламу меняется: с утратой могущества Восток потерял для Европы и часть своего очарования — презрительные насмешки были слышны тем сильнее, чем большим был ранее страх. Турки и сарацины высмеивались в литературе и в жизни, их магия начала приравняться к суеверию так же, как и их религия: «Можно было спокойно забавляться теперь, когда никому не угрожали набеги алжирских пиратов, турецкий плен, тюрьма, сажание на кол. Отныне тюрбан и ятаган стали сценическими реквизитами, а гаремы и мечети — элементами декораций комических опер и пьес» [22. С. 263]. Европа вступает в эпоху «расколдовывания мира».

Именно тогда Россия — это «Срединное Царство» между Европой и Азией по истинно непреклонной воле Петра поворачивает на Запад. Отрекаясь от Востока, следом за своими учителями клеймит «азиатчиной» все, что не вписывается в новую европейскую концепцию страны. Не будучи совершенно чуждой Европе, связанная с ней одной религией, Россия все же наследовала Восточной церкви и начиная с великого раскола церковью видела в «латинстве» едва ли не первого из своих врагов. Точнее, второго после «восточного врага».

Грозный восточный враг был знаком и по византийским источникам, предложившим уже готовую «теорию ислама» [15. С. 49], и по собственному опыту общения с кочевниками, на которых был интуитивно наложен концепт ислама еще до того, как эти шаманисты и тенгрианцы получили право именоваться мусульманами. Как и в Европе, решающее значение было за христианством, которое проводило непреодолимую черту между православными и басурманами. Змей [31; 35], еще в дохристианский период истории Руси ставший олицетворением Степи⁶, с принятием христианства занял свое дьявольское место, непрестанно искушая золотым яблоком ислама, испытывая православную веру, «что тверда она и крепка пребывая подле Господа и не увлекаема дьяволом, его призрачными чудесами и сатанинскими делами, творимыми врагами рода человеческого и слугами зла» [12]. Хотя оценка личности пророка ислама как Антихриста и колдуна не была развита в русской традиции (возможно, в связи с неразвитостью собственно русской теологической полемики), византийские труды по исламу, задающие «абсолютную систему координат» [15. С. 57–58], не подвергались сомнению, на века определив место «диаволу Бахмету» (обличения Феодосия Косого середины XVI в. [24. С. 20]), взявшему «силу и крепость у отца своего сатаны» (Летопись XVI в. [36. С. 161]). Ненависть дьявола ко всему христианскому проявлялась, как и в европейских сред-

невековых хрониках, в осквернении священного пространства церкви: в цареградской версии былины об Идолище Поганом татары, разбивают святыне образа и кормят коней в церквях, а в «Повести временных лет» описывается, как «безбожные сыны Измаиловы», которые с дьяволом обречены на вечный огонь, «хватая иконы, зажигали двери и оскорбляли Бога нашего и закон наш» [12]. Находила сочувствие среди русских и идея крестового похода воинов Христовых ради освобождения захваченного Иерусалима места паломничества русских еще со времен Владимира [18. С. 190–191].

С прекращением всех мирных, торговых контактов с Востоком⁷ при татаро-монгольском иге образ колдовского, дьявольского Востока-врага занимает ведущее место в русско-православной картине мира. Степь, воплощенная Тьма, снаряжает «детей бесови» [13] на борьбу с православными, которые кладут головы «за землю за Рускую и за веру христианскую» [11]. В этой «заранее спланированной Богом всемирно-исторической драме» [15. С. 95] прибегание к помощи Бога, заступничество Богородицы и ангелов играли определяющую роль — икона Владимирской Божьей матери остановила разрушительный поход Тамерлана против Руси, ангелы воевали на стороне русских в походе князей на половецкий город Шарукань в 1111 г. и пр. Распространены были и особые охранительные молитвы от агарян⁸, управляемых подстрекаемым дьяволом врагом всего христианства Мамаем и учимым дьяволом «треклятым всему злу начальником» Чолханом (Щелканом) [16. С. 75–82].

Однако этот дьявольский противник сослужил хорошую службу — в этой кузнице Востока, постоянно расширявшегося за счет новых внешних врагов, была выкована русская идентичность. И если сначала «ислам уподоблялся дьяволу манихейцев, существу рафинированной злобы, стремящемуся запутать нас», то потом «он скорее стал напоминать дьявола августинцев, который не представляет сам по себе автономной силы, а лишь показывает “меру нашей слабости”» [15. С. 304.].

Немалую роль в этом сыграла и мифологема «Москва — Третий Рим», рожденная в условиях захвата турками Царьграда, вызывавшего ожидания последней битвы турок и русских в духе апокалиптических традиций. Падение Византии было воспринято как происки дьявола, но одновременно и наказание Божье за отступление от истинной веры — заключение Флорентийской унии. Легенде об основании города (борьбе змея с орлом) была уготована новая трактовка, в рамках уже существовавшей традиции увидевшая в змее турок, а в спасителях — русских [15. С. 125].

Война с мусульманами, воспринимавшаяся русским обществом как праведная и носившая достаточно ярко выраженный религиозный характер, во многом определяла и внешнюю политику страны. Однако в связи с постепенным развитием отношений и новыми политическими задачами (формировалось христианское централизованное государство, периферия которого была мусульманской) знания об исламе активно накапливались, вплоть до переломного момента — царствования Петра, когда отношения с мусульманским Востоком вышли на качественно иной уровень. По личному приказу Петра Коран был напечатан на русском языке, а талантливые молодые люди отправлялись на обучение в Персию и Константинополь [23. С. 18].

С рождением нового дворянства, воспитанного уже в европейском духе, западная традиция оценки Востока перенимается русским обществом. Европейская литература и поэзия о Востоке доступна русскому читателю в оригинале и, с небольшим запозданием, в переводах [20. С. 19], что несомненно влияет на русских писателей и поэтов [19]. Однако русский ориентализм имеет и свои, в первую очередь исторически обусловлен-

ные, особенности: он отражал «осознанную потребность, вызванную поступательным расширением Российской империи, включением в ее состав многочисленных азиатских народов, а также наступлением нового этапа в развитии национального самосознания, вызванного борьбой с Наполеоном и победой в Отечественной войне 1812 г.» [20. С. 21]. Специальное востоковедческое образование или знание восточных языков получает значительная часть дворянства, в том числе Грибоедов, Кюхельбекер, Лермонтов, Тургенев, Толстой, Чернышевский, Даль, Бестужев-Марлинский и многие другие [17]. Коран, Мухаммед и ислам как известные образы и темы входят в русскую литературу, поэзию, изобразительное искусство, а Кавказ предстает воплощенным русским Востоком, звучащим особенно пронзительно в произведениях Пушкина и Лермонтова. Описания путешествий и паломничеств на Восток находят своих благодарных читателей. Специальные материалы на восточную тематику публикуются регулярно (особенно часто масонскими изданиями, наподобие журналов «Утренние часы» и «Утренний свет»), что было обусловлено и военно-стратегическими нуждами Российской империи, активно продвигавшейся на Восток и вступившей в борьбу за восточное наследие османов. Восток стал востребован как никогда еще и потому, что в XIX в. с особой остротой развернулась дискуссия о самоидентификации России, исторически занимавшей срединное положение между Азией и Европой.

Однако, несмотря на специфичность русского взгляда на Восток, его познание происходило в русле общеевропейского ориентализма, во многом под влиянием моды, ведь Восток внутри страны сложно было воспринимать как экзотику, а с учетом напряженности конфликтов на Кавказе — скорее как реальную угрозу. Но просвещенному дворянству был свойственен высокомерный взгляд на отсталых варваров, живущих суевериями. Магия Востока перемещается в область сатиры и сказок о «волшебнике хилом», «бледном чародее» Черноморе с гротескной бородой, символизирующей ветхую мудрость. Клише о «чарах Востока», «стране чудес и волшебников» [14. С. 26] кочуют по страницам многочисленных ориентальных произведений. Беззубый Восток позволяет превратить священную книгу мусульман в поэтическую жемчужину «Подражания Корану» под пером Пушкина.

Затаившись на время атеистического периода советской истории и появившись вновь только вместе со стариком Хатабычем на страницах детских книг, магия Востока вернулась в конце XX в., в период кризиса идей. Высмеивание клишированных представлений о Востоке, «где все люди с песьими головами» [29. С. 7], пережив не одно поколение, возродилось в критицизме постмодернизма⁹, повествуя о «чеченах с рожками» [37. С. 12].

Таким образом, Магический Восток, пугающий, таинственный и манящий, пережил века, превратившись в устойчивый образ западноевропейской и русской культуры, раскрывая их самих через стремление к Дальнему, через познание Ближнего.

Примечания

¹ В данной работе Восток рассматривается как «редуцированная европейским познанием совокупность культурных форм, не похожих на форму культуры европейского региона, а часто и противоположных им» [21. С. 142]. — Под Востоком, в рамках европейской традиции, понимается в первую очередь Ближний Восток.

² По вопросу появления европейского самосознания мы придерживаемся позиции Ле Гоффа [25], однако с признанием большей роли ислама и крестовых походов в этом процессе.

³ В Писании о народах Гог и Магог: Откр. 20. 7; Быт. 10.2; Кн. Пр. Иезекииля, 38–39. Изображения этих народов повсеместно встречались на средневековых картах и часто ассоциировались средневековыми европейцами с азиатскими народами [38. С. 150–151].

⁴ По вопросу образа ислама в западноевропейской культуре см.: [22; 27; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9].

⁵ Земным раем, согласно библейской традиции, представлялась Индия. Ее образ, помимо того, был дополнен рассказами о завоевательных походах Александра Македонского и античными описаниями «чудес Индии» (Плиний Старший, Юлий Солин). При этом зачастую Индия для средневекового читателя сливалась в единое целое с Ближним Востоком, где в эпоху крестовых походов искали земной рай («И насадил Господь Бог рай в Эдеме на востоке...» (Быт. 8), и ассоциировалась с исламом, по-видимому, «для сохранения и воссоздания “восточного” колорита» [22. С. 117].

⁶ «Востоком» (Orient), в европейском понимании этого слова, была Степь, а не связанный с Солнцем Восток—Юг, наделенный положительной коннотацией в противоположность Западу—Северу.

⁷ Если прежде «русские купцы достигали Багдада, а товары их — и Кабула и Хамана» [15. С. 293], то теперь русские путешествия на Восток практически обрываются [18. С. 197].

⁸ Этот термин, наряду с «сынами Измаиловыми», или «измаильтянами», был применен к местным мусульманам неарабского происхождения, вписывая их таким образом в общую библейскую историю.

⁹ Ярким примером может служить постмодернистский роман-трилогия «Химера» Джона Барта.

Литература

1. *Alphandéry P.* Mahomet-Antichrist dans le Moyen âge latin // *Mélanges Hartwig Derenbourg.* Paris, 1909. P. 261–277.
2. *Daniel N.* Islam and the West: The Making of an Image. Edinburgh, 2000. 472 p.
3. *Ducellier A.* Le Miroir de l'islam: Musulmans et chrétiens d'Orient au moyen âge (VII–XI ss.). Paris, 1971. 309 p.
4. *Hourani A.* Europe and the Middle East. London, 1980. 226 p.
5. *Hourani A.* Islam in European Thought. Cambridge, 1991. 199 p.
6. *Metlitzki D.* The Matter of Araby in Medieval England. New Haven, 1977. 320 p.
7. *Rodinson M.* The Western Image and Western Studies of Islam // *The Legacy of Islam.* Oxford, 1974. P. 10–62.
8. *Southern R. W.* The Image of Islam in the Middle Ages. Harvard, 1962. 114 p.
9. *Watt W. M.* The Influence of Islam on Medieval Europe. Edinburgh, 1994. 125 p.
10. Византийские сочинения об исламе (тексты переводов и комментарии) / Ред. Ю. В. Максимова. М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. 230 с.
11. Задонщина // Библиотека первоисточников (приложение на CD-ROM к кн.: Чулков М. Д. АБеВеГа русских суеверий. М., 2008).
12. Повесть временных лет // Там же.
13. Слово о полку Игореве // Там же.
14. *Базили К. М.* Очерки Константинополя. М., 2006. 464 с.
15. *Батунский М. А.* Россия и ислам. Т. I. М., 2003. 384 с.
16. *Воронин Н. Н.* «Песня о Щелкане» и тверское восстание 1327 г. // *Исторический журнал.* 1944. № 9. С. 75–82.
17. *Данциг Б. М.* Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973. 434 с.
18. *Данциг Б. М.* Из истории русских путешествий и изучения Ближнего Востока в допетровской Руси // *Очерки по истории русского востоковедения.* М., 1953. 232 с.

19. *Ермаков И.* Ислам в русской литературе XV–XX вв. М., 2000. 184 с.
20. *Жуков К. А.* Восточный вопрос в историософской концепции К. Н. Леонтьева. СПб., 2006. 227 с.
21. *Каган М. С., Хилтухина Е. Г.* Проблема «Запад—Восток» в культурологии: взаимодействие художественных культур. М., 1994. 158 с.
22. *Кардини Ф.* Европа и ислам: История непонимания. СПб.: Alexandria, 2007. 332 с.
23. *Кириллина С. А., Мейер М. С.* Коран в фокусе российского исламоведения: Традиции и современность // Вестн. Московск. университета. Сер. 13: Востоковедение. 2007. № 4. С. 17–34.
24. *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики. М.; Л., 1950. 299 с.
25. *Ле Гофф Ж.* Рождение Европы. СПб., 2008. 398 с.
26. *Луцицкая С. И.* Образ Другого: Мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001. 412 с.
27. *Малахова Н. Н.* Трансформация представлений о Востоке в западной культуре // Четвертые Торчиновские чтения: Философия, религия и культура стран Востока. СПб., 2007. С. 650–658.
28. *Махов А. Е.* Hostis Antiquus: Категории и образы средневековой христианской демонологии. М., 2006. 416 с.
29. *Островский А. Н.* Свои люди — сочтемся. Гроза. Беспреданница. М., 2007. С. 72–132.
30. *Петрушевский И. П.* Ислам в Иране в VII–XV веках. СПб., 2007. 428 с.
31. *Плетнева С. А.* Змей в русской сказке // Древние славяне и их соседи. М., 1970. С. 127–132.
32. *Саид Э. В.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006. 637 с.
33. *Скалон Д. А.* Путешествие по Востоку и Святой Земле. М., 2007. 220 с.
34. *Скотт В.* Талисман // Скотт В. Собр. соч.: в 20 т. Т. 19. М.; Л., 1965. С. 14–380.
35. *Смолицкий В. Г.* Былина о Добрыне и змее // Русский фольклор. Л., 1971. Т. XII. С. 181–192.
36. *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. 383 с.
37. *Толстая Т.* Кысь. М., 2008. 416 с.
38. *Фоменко И.* Карта мира как иллюстрация эсхатологических представлений Средневековья // Эсхатологический сборник. СПб., 2006. С. 146–157.
39. *Эко У.* Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб., 2007. 423 с.